

УДК 159.955

СМЫСЛОВОЕ ЯДРО БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

В. Г. Тылец

Московский государственный лингвистический университет
Москва, Российская Федерация
e-mail: tyletsvalery@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5387-6570>

Т. М. Краснянская

Московский гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация
e-mail: ktm8@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4572-6003>

В. В. Иохвидов

Ставропольский государственный педагогический институт
Ессентуки, Российская Федерация
e-mail: vl наука@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2081-8005>

Аннотация. В статье представлены результаты изучения смыслов безопасности у субъектов, находящихся в экстремальных условиях влияния на них значительных массивов информации негативного характера. Актуальность обращения к проблеме определяется детерминированностью субъективных смыслов безопасности контекстом их продуцирования и недостаточной изученностью этого обстоятельства в работах предшественников. Целью исследования выступило изучение смыслового ядра безопасности субъектов, испытывающих информационное давление. Решались задачи: выявление смыслов безопасности у субъектов в условиях информационного давления; установление у них смыслового ядра категории безопасности; построение иерархии смыслов безопасности у заявленных субъектов. Исследование проводилось на выборке из 100 студентов, обучающихся в ряде столичных и региональных вузов. В качестве основного метода использовался ассоциативный эксперимент, в котором стимулами выступили категории «безопасность», «повседневная безопасность», «приобретенная безопасность». В качестве вспомогательного метода при обработке эмпирических данных использовался метод экспертной оценки. По итогам исследования установлено, что большая часть значимых элементов (попадающих в центр и ближнюю периферию ассоциативного поля) имеет стереотипную природу – 59,1%, ситуативно-обусловленную природу – 31,8%, ценностную природу – 9,1%. Смысловое ядро безопасности респондентов, находящихся в условиях информационного давления, образуется из общечеловеческих ценностей, вероятностно добавленных компонентами стереотипного характера. К смысловому ядру безопасности примыкают ситуативные и стереотипные элементы. Научная новизна исследования состоит в изучении смыслов безопасности респондентов, находящихся в ситуации информационного давления. Значимостью обладает эмпирическое подтверждение приобретения смыслами безопасности вариативной части, обусловленной условиями нахождения субъекта их продуцирования. Перспектива дальнейших научных разработок по проблематике видится нами в сопоставлении смыслового ядра безопасности субъектов, находящихся в экстремальных и обыденных условиях жизнедеятельности, а также расширении типов экстремальных ситуаций изучения смыслового ядра безопасности.

Ключевые слова: безопасность, угроза, стимул, ассоциативное поле.

Для цитаты: Тылец В. Г., Краснянская Т. М., Иохвидов В. В. Смысловое ядро безопасности субъектов в условиях информационного давления // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, №3. С. 3938–3947. DOI: 10.15372/PEMW20200305

DOI: 10.15372/PEMW20200305

A SEMANTIC CORE OF SECURITY OF SUBJECTS UNDER INFORMATION PRESSURE CONDITIONS

Tylets, V. G.

Moscow State Linguistic University

Moscow, Russian Federation

e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5387-6570>

Krasnianskaya, T. M.

Moscow University for the Humanities

Moscow, Russian Federation

e-mail: ktm8@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4572-6003>

Iokhvidov, V. V.

Stavropol State Pedagogical Institute

Essentuki, Russian Federation

e-mail: vl nauka@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2081-8005>

Abstract. *The article presents the results of studying the security meanings in subjects under extreme conditions of significant negative information amounts affected them. The relevance of addressing the problem is due to the determinism of security subjective meanings, the context of their production, and insufficient study of this circumstance in works of predecessors. The work objective is to study the semantic core of security of subjects suffering information pressure. The following tasks are solved: identifying the security meanings of subjects under information pressure; establishing their semantic core of the security category; building a hierarchy of security meanings for the declared subjects. The research is taken a sample of 100 students studying in a number of metropolitan and regional universities. The main method is an associative experiment, which considers «security», «everyday security», and «acquired security» categories as incentives. The expert evaluation method was used as an auxiliary one to process empirical data. According to the study results, most of the significant elements (entering the center and near periphery of an associative field) have a stereotypical nature – 59.1%, situational-conditioned nature – 31.8%, value nature – 9.1%. The semantic core of the security of respondents under information pressure is formed of universal values, probabilistically added by components of a stereotypical nature. Situational and stereotypical elements are attached to the semantic core of security. The scientific novelty consists in studying the security meanings of respondents, who are in a situation of information pressure. Empirical confirmation of obtaining the security meaning by a variable part due to the conditions of finding the subject of their producing is significant. The further research prospect is seen in comparing of the security semantic core of actors that are in extreme and everyday conditions of life, as well as the expansion of the types of extreme situations to explore the conceptual core of security.*

Keywords. *security, threat, incentive, associative field.*

For quote: Tylets, V. G., Krasnianskaya, T. M., Iokhvidov, V. V. [Semantic core of security of subjects in the conditions of information pressure]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 3938–3947. DOI: 10.15372/PEMW20200305

Введение. Безопасность, оставаясь одной из наиболее востребованных социальных констант, в настоящее время подверглась многостороннему изучению в рамках правовых, экономических, политических, социальных, педагогических отраслей научного знания. Уже достаточно длительный период она входит в поле исследовательских интересов психологической науки. Зародившись в пространстве психологии труда в середине XX столетия при изучении условий построения безопасного рабочего места, с начала следующего столетия проблема безопасности значительно расширила свою предметную область: с вопросов организации безопасности узкопроизводственной деятельности акценты научного поиска переместились на учебную, профессиональную, спортивную, досуговую деятельность

и, наряду с индивидуальными, охватили ее субъектные, личностные и индивидуальные основания [1–4]. На текущий момент соответствующий предмет раскрывается в основном как безопасность индивида, находящегося в некоторой среде или ситуации, психологическая безопасность и информационно-психологическая безопасность личности, субъекта или некоторой группы. Разработка проблематики ведется в русле личностного, деятельностного, компетентностного, ресурсного, ситуативно-средового, сценарного, темпорального подходов. Использование исследовательских возможностей практически всех традиционных и новых разделов психологии (общей, педагогической, социальной, юридической, медицинской, спортивной, дискурсивной и др.) позволило изучить многие ее базовые и прикладные аспекты [5–9]. Поисковые работы в соответствующем предметном направлении обеспечили выявление содержательных, структурных и динамических особенностей феномена психологической безопасности, построение характеристик факторов ее уязвимости у субъектов в различных условиях, средах и ситуациях, детализацию психологических последствий ее нарушения [10; 11]. Развитию проблематики значительно способствовало эмпирическое подтверждение решающей роли переживания безопасности для эффективности поведенческой и деятельностной активности, сохранения психического благополучия и стимулирования личностного развития человека [12–15].

Постановка задачи. Среди обширного массива исследовательских наработок по психологии безопасности ключевым для замысла нашей работы выступило признание достаточной вариативности понимания безопасности различными группами субъектов, основанное на результатах изучения представлений о ней, в частности, у разновозрастных субъектов в наших исследованиях [16], а также в исследованиях Т. А. Басановой [17], Г. В. Лозовой [18], О. П. Синельниковой [19], О. В. Смирновой [20], Э. А. Пирмагомедовой [21].

Анализ научных источников показывает, что до сих пор обращение к особенностям субъектного понимания безопасности лишь в малой степени учитывало ситуативно-средовой контекст его продуцирования (в основном через указание статуса респондентов – школьники/студенты). Вместе с тем имеются данные о том, что с ним тесно связана актуализация у субъекта самой потребности в безопасности и параметров привлекаемых им психических ресурсов противодействия ее угрозам [22]. Исходя из них можно утверждать, что обстоятельства (средовые или ситуативные), в которых находится субъект, оказывают непосредственное влияние на рефлексию им безопасности, определяя востребованность для него того или иного ее уровня и/или типа, а также объемов и качества ресурсного обеспечения. Ключевая роль смыслового наполнения безопасности для построения поведенческой активности субъекта в соответствующих ситуативно-средовых условиях определяет нашу исследовательскую заинтересованность в нем.

Особое внимание в обозначенном аспекте вызывают экстремальные ситуации, не только обостряющие потребность субъекта в безопасности, но и отбрасывающие второстепенное в мировосприятии, выводящие на первый план наиболее значимые для него смыслы безопасности. Экстремальный характер может приобрести информационное воздействие на человека, неблагоприятно отражающееся на его когнитивной, эмоциональной, ценностной и/или поведенческой сфере. Речь, по сути, идет о нарушении его информационно-психологической безопасности. Исходя из того, что информационное воздействие приобретает экстремальный характер как в случае снижения, так и в случае превышения приемлемых для восприятия человека объемов, уточним, что в нашей работе мы рассматриваем второй вариант, то есть ситуацию информационного давления.

Исследования наших предшественников содержат предположения о возможности ценностного осмысления феномена безопасности [23]. Однако эта гипотеза не получила достаточного изучения. При проектировании своего исследования мы предполагали, что в условиях информационного давления ядро категории «безопасность» могут образовать общечеловеческие ценности, дополненные стереотипами безопасности и ценностями, соответствующими специфике ситуации.

Целью исследования выступило изучение смыслового ядра безопасности у субъектов в условиях нетипичного информационного давления на них.

Достижение поставленной цели увязывалось с решением следующих задач: 1) изучение ассоциативного поля категории «безопасность» у субъектов в условиях информационного давления; 2) установление у них содержания смыслового ядра безопасности; 3) построение иерархии смыслов категории безопасности у субъектов, подверженных информационному давлению.

Методология и методика исследования. Эмпирическое изучение смыслов феномена безопасности в нетипичных (экстремальных) для субъекта условиях на организационном уровне сталкивается с трудностями этического характера, состоящими в запрете целенаправленного помещения человека в ситуации (условия), содержащие угрозу его безопасности. Обозначенное ограничение преодолевается естественным попаданием субъекта в экстремальные обстоятельства.

В нашем исследовании была использована естественно сложившаяся в 2020 году экстремальная для значительной массы населения ситуация пандемии коронавируса. Данная ситуация рассматривалась нами в качестве особой ситуации информационного давления на потенциальных респондентов в силу ряда обстоятельств. Основным вопросом, обсуждаемым в этот период в СМИ и интернет-источниках, потеснившим все остальные, стали угрозы безопасности человеку под влиянием смертоносного заболевания. Информационное давление усиливалось тем, что распространяемая информация характеризовала ситуацию во всем мире и по всей стране, то есть носила глобальный характер, нагнетая угрозу безопасности в общепланетарном масштабе. Оно, кроме того, подкреплялось введением мер самоизоляции, что в силу ограничения передвижения и прекращения деятельности многих организаций привело к резкому изменению условий жизни человека, к невозможности доступа к значительной части цивилизационных благ, к замедлению ритма жизни, к снижению объема непосредственных коммуникативных контактов. Угрозу безопасности на субъектном уровне повышала существенная информационная неопределенность относительно дальнейшего распространения заболевания, сроков создания и применения вакцины, даты прекращения самоизоляции. При этом соблюдение мер самоизоляции и отсутствие контактов с зараженными в значительной мере исключали прямую угрозу жизни потенциальных респондентов, что позволяет отнести сложившиеся обстоятельства к информационному давлению.

Исследование проводилось на 3-й и 4-й неделе самоизоляции (конец марта – начало апреля 2020 г.), после преодоления у населения страны первого шока и наступления адаптации к сложившейся ситуации. Мы исходили из того, что к обозначенному периоду произошла стабилизация восприятия новой ситуации и оформились соответствующие ей смыслы безопасности.

В качестве испытуемых выступили студенты нескольких столичных и региональных вузов (Московского государственного лингвистического университета, Российской международной академии туризма, Московского гуманитарного университета, Ставропольского государственного педагогического института) численностью 100 человек в возрасте от 19 до 21 года. Участие в исследовании носило добровольный характер. Анализ полученной выборки респондентов показал ее достаточную сбалансированность по половому признаку (54 девушки и 46 юношей, соответственно, 54,0 и 46,0%).

Исследование проводилось дистанционно. Сбор эмпирического материала осуществлялся с помощью метода свободных ассоциаций. По интернет-связи респондентам было предложено без временных ограничений зафиксировать свои ассоциации в ответ на заданный ряд стимулов. В качестве стимулов выступило слово «безопасность» и два словосочетания с ним – «повседневная безопасность» и «полученная безопасность». Словосочетания с искомым словом привлекались для контроля смыслового ядра и выявления возможных вариаций смысла безопасности.

Формулировка инструкции: «Задание предназначено для изучения субъектных ассоциаций на заданные стимулы. Для его выполнения составьте через запятую перечень того, что «первым пришло в голову» (реакции, ассоциации) при прочтении каждого из нижеследующих стимулов. Количество этих ассоциаций зависит только от вас. Стимулы: безопасность, повседневная безопасность, полученная безопасность».

Массив ассоциаций, полученный в ответ на каждый стимул, рассматривался в качестве ассоциативного поля этого стимула.

Обработка эмпирического материала предполагала вычисление частоты распределения по выборке респондентов ассоциаций каждого из стимулов и их последующее ранжирование. В случае, если частота ассоциации превышала 10,0%, она относилась к центру ассоциативного поля. В исследовании учитывались также ассоциации с частотой 4,0–10,0%, относящиеся к ближней периферии центра ассоциативного поля [24]. По итогам данного этапа исследования устанавливался весь массив ассоциаций на предъявленные респондентам стимулы (безопасность, повседневная безопасность, полученная безопасность), а среди них – ассоциации и сочетание близких по смыслу ассоциаций, распространенность которых позволяет отнести их к элементам центра или ближней периферии ассоциативного поля. Ассоциации, попавшие в центр и ближнюю периферию ассоциативного поля, устойчиво воспроизводимые в таком качестве по трем стимулам, рассматривались компонентами смыслового ядра безопасности.

К обработке эмпирического материала привлекались также эксперты (n=3, профессиональные психологи, стаж практической деятельности более 10 лет), перед которыми ставилась задача классифицировать значимые элементы ассоциативного поля, определив характер их связи с категорией «безопасность» стереотипной, ценностной или специфической. Эксперты работали автономно. Им предъявлялись элементы, попавшие по результатам предыдущего этапа обработки в центр и ближнюю периферию ассоциативного поля, и инструкция: «По каждому элементу определите, находится ли он в стереотипной (устойчиво устанавливаемой), ценностной (опосредованно устанавливаемой) или ситуативной (вызванной особенностями ситуации) связи с безопасностью». Причисление каждого элемента к определенному классу осуществлялось большинством голосов экспертов.

При обработке данных вычислялись также средние по выборке значения позиции значимых элементов (относящихся к центру или ближней периферии ассоциативного поля) в ассоциативных последовательностях, выстроенных респондентами. Результаты данного этапа исследования позволяли оценить субъектную значимость элементов ассоциативного поля: меньшее значение позиции элемента в ассоциативном ряду интерпретировалось как обладание им большей значимостью среди прочих.

Дальнейший анализ состоял в установлении связи компонентов смыслового ядра безопасности с остальными элементами центра и ближней периферии ее ассоциативного поля и построении иерархии смыслов безопасности.

Результаты (результаты и их обсуждение). Анализ эмпирического материала позволил выявить элементы, входящие в ядро и ближнюю периферию ассоциативного поля трех стимулов, установить их частоту и среднее значение позиции в ассоциативном ряду (табл.).

Таблица

Распределение частоты и позиции в ассоциативном ряду элементов, полученных по трем стимулам

Table

Distribution of frequency and position in the associative row of elements received on three stimuli

Элементы ассоциативного поля	Стимулы								
	безопасность			повседневная безопасность			полученная безопасность		
	элементы	v	г	элементы	v	г	элементы	v	г
Центр (частота больше 10,0%)	дом (дом, кров, спальня)	56,0	1,37	дом (дом, квартира, жилье, ключи от квартиры)	26,0	2,14	дом (дом, убежище, жилье, ключи от дома, замок, крыша дома)	19,0	2,00
	спокойствие (спокойствие)	34,0	1,67	осторожность (осторожность, предосторожность)	19,0	2,50	семья (семья, мама, родители)	17,0	1,78
	семья (семья, мама, бабушка с дедушкой, родители)	28,0	2,47	семья (семья, мама, родители, близкий человек)	19,0	2,60	защита (защита, средства защиты)	15,0	1,54
	комфорт (комфорт, комфортное место, уют)	26,0	2,57				помощь (помощь, медицинская помощь, психологическая помощь)	13,0	2,00
	защита (защита)	15,0	3,88				спокойствие (спокойствие)	12,0	1,50
	тепло (тепло)	15,0	2,38				медицина (врач, больница, минздрав)	11,0	2,33
Ближняя периферия (частота 4,0–10,0%)	охрана (охрана)	8,0	3,50	санитарно-гигиенические нормы (гигиена, мытье рук, дезинфекция)	9,0	2,80	благодарность (благодарность)	10,0	1,40
	жизнь (жизнь)	6,0	3,33	аккуратность (аккуратность)	9,0	2,25	подготовленность (знания, умения)	8,0	2,00
	медицина (врач, больница, здравоохранение)	6,0	2,00	«кирпич» (кирпич)	7,0	2,06	надежность (надежность)	6,0	3,33
				правила (правила)	7,0	2,00	самозащита (самозащита, возможность самозащиты, средства самозащиты, уроки самозащиты)	6,0	2,00
				эксплуатация машины (машина, поездка на машине)	6,0	1,00	карантин (карантин, изоляция, самоизоляция)	6,0	2,00
				спокойствие (спокойствие)	6,0	1,67			
				свет (свет)	5,0	3,67			

Обозначение: v – частота элемента по всему массиву элементов (в %), г – среднее значение позиции элемента в ассоциативном ряду.

Все значимые элементы ассоциативного поля по типу их связи с безопасностью были разбиты экспертами на три класса:

- стереотипная связь – защита, комфорт, помощь, спокойствие, подготовленность, надежность, самозащита, тепло, охрана, осторожность, кирпич, использование машины, свет;
- ценностная связь – дом, семья;
- ситуативная связь – медицина, карантин, благодарность, жизнь, санитарно-гигиенические меры, аккуратность, правила.

Исходя из результатов данного этапа исследования, среди значимых элементов ассоциативного поля безопасности преобладают стереотипы (59,1%), достаточно многочисленны ситуативно обусловленные элементы (31,8%), обнаружился элемент, имеющий ценностную природу (9,1%).

Анализ элементов центра и ближней периферии ассоциативного поля рассмотренных стимулов показал устойчивую воспроизводимость по ним элементов «дом» и «семья». Вхождение данных элементов вне зависимости от формулировки использованного стимула (безопасность, повседневная безопасность, вызванная безопасность) в центр ассоциативного поля позволяет рассматривать их компонентами смыслового ядра безопасности. По мнению экспертов, категории «дом» и «семья» не находятся в непосредственной связи с категорией «безопасность», однако обладают ярко выраженной ценностной окраской. Исходя из установленной позиции расположения данных элементов в ассоциативных рядах для респондентов элемент «дом» обладает большей субъектной значимостью, чем элемент «семья». Вероятно, в условиях опроса дом воспринимался ими в большей степени в качестве убежища, защищающего, выставляющего преграду от внешних угроз, нагнетаемых информационным давлением, и дающего в этом контексте большую безопасность, чем близкие люди, семья. Потребность респондентов в убежище, ограждающем от угрозы, подкрепляется попаданием по выборке в категорию значимых стереотипных элементов «комфорт», «тепло», «надежность», «самозащита».

Установлено, что элемент «спокойствие» попадает в центр ассоциативного поля стимулов безопасность и полученная безопасность, а также в зону ближней периферии ассоциативного поля стимула повседневная безопасность. Тем самым прослеживается тенденция вхождения элемента «спокойствие» в число компонент смыслового ядра безопасности. Отметим, что состояние, соответствующее категории «спокойствие», достаточно часто связывают с переживанием человеком безопасности. Оно свойственно человеку, уверенному в своей защищенности или в своем нахождении в ситуации отсутствия каких-либо значимых ей угроз. Таким образом, данный элемент в отношении безопасности обладает признаками стереотипа, что подтверждено оценками экспертов. Нестабильность попадания элемента в центр ассоциативного поля определило отнесение нами элемента «спокойствие» к вероятностной компоненте смыслового ядра безопасности. Меньший ранг расположения элемента «спокойствие» в последовательности ассоциативных рядов рассматриваемых стимулов позволяет предполагать его большую, по сравнению с элементами «дом» и «семья», субъектную значимость. Возможно, спокойствие в условиях информационного давления составляет для респондентов основу процессов саморегуляции в противовес эмоциональному дисбалансу.

Тенденцию к вхождению в состав смыслового ядра безопасности обнаруживает также элемент «защита», который установлен в составе центра ассоциативного поля стимулов безопасность и полученная безопасность. Соответственно, нами она отнесена к вероятностной компоненте смыслового ядра безопасности. Достаточная «прозрачность» смысловой связи категорий «безопасность» и «защита» позволила экспертам рассматривать ее в качестве стереотипной. В отличие от элемента «спокойствие», элемент «защита», судя по его позиции в ассоциативных последовательностях (полученная безопасность – 1,54; безопасность – 3,88), не обладает для респондентов устойчивой субъективной значимостью.

Отметим также факт единичного попадания элементов «комфорт», «тепло», «осторожность» и «помощь» в центр ассоциативного поля рассматриваемых стимулов. Наряду с «чувствительностью» к формулировке стимула, также отметим их прямую смысловую связь с феноменом безопасности, который часто раскрывается с использованием соответствующих понятий: безопасными кажутся комфортные и теплые места; осторожность в действиях обеспечивает безопасность. Это позволило экспертам единогласно признать стереотипную природу связи этих элементов с безопасностью. Позиция в ассоциативных рядах показывает, что для респондентов они имеют значительно меньшую субъектную значимость, чем ранее рассмотренные. Зависимость от формулировки стимула позволила отнести их к вариативным компонентам смыслового ядра безопасности.

Стереотипный характер связи с использованными стимулами, согласно экспертному мнению, обнаруживает также ряд элементов, расположенных в ближней периферии их ассоциативного поля: «подготовленность», «надежность», «самозащита», «охрана», «кирпич», «использование машины», «свет».

Часть из них относятся к источникам угрозы («кирпич», «использование машины»), другие – к средствам безопасности («подготовленность», «надежность», «самозащита», «охрана», «свет»). Расположение данных элементов на вторых и далее позициях в ассоциативных рядах соответствующих стимулов указывает на их невысокую значимость для респондентов в обозначенных условиях опроса.

Дальнейший анализ показывает, что элементы, отражающие специфику условий продуцирования респондентами ассоциаций, значительно смещены к периферии ассоциативного поля стимулов безопасность, повседневная безопасность и приобретенная безопасность.

Так, ситуативную специфику для респондентов, находящихся в обозначенных в соответствующем разделе работы условиях информационного давления, отражает элемент «медицина», попадающий в центр ассоциативного поля стимула полученная безопасность и ближнюю периферию ассоциативного поля стимула безопасность. Ситуативная специфика также прослеживается по таким элементам зоны ближней периферии стимула безопасность, как «жизнь», стимула повседневная безопасность – «санитарно-гигиенические нормы», «аккуратность» и «правила», стимула полученная безопасность – «благодарность», «карантин». Соответственно, можно предполагать, что специфические условия информационного давления, в которых оказались респонденты, повлияли на продуцируемые ими смыслы безопасности, что проявилось во всех формулировках стимула. При этом данные элементы обнаружили вариативность, обусловленную «чувствительностью» к этой формулировке. Этот факт свидетельствует о неустойчивости для респондентов смыслов безопасности, обусловленных действием средового фактора. Кроме того, обратим внимание на то, что позиции рассматриваемых элементов в ассоциативных рядах в своем большинстве сдвинуты на вторые-третьи места, что указывает на их меньшую субъектную значимость по сравнению с компонентами смыслового ядра безопасности.

Таким образом, отметим, что смысловое ядро безопасности составлено устойчивыми компонентами «дом» и «семья», имеющими ценностную природу, а также вероятностными («спокойствие» и «защита») и вариативными («комфорт», «тепло», «осторожность» и «помощь»), стереотипными по своей природе. К смысловому ядру безопасности примыкают стереотипные («подготовленность», «надежность», «самозащита», «охрана», «кирпич», «использование машины», «свет») и ситуативные («медицина», «карантин», «благодарность», «жизнь», «санитарно-гигиенические меры», «аккуратность», «правила») элементы.

В целом, по итогам изучения смыслового ядра безопасности гипотеза исследования была подтверждена. Действительно, смысловое ядро безопасности респондентов, находящихся в условиях информационного давления, образуется из общечеловеческих ценностей, вероятно добавленных компонентами стереотипного характера. К смысловому ядру безопасности примыкают ситуативные и стереотипные элементы. При том что стереотипные элементы в составе смыслов безопасности респондентов преобладают, ценностные компоненты входят в их ядро и обладают большей субъектной значимостью.

Выводы. Научная новизна представленного в статье исследования состоит в том, что в нем впервые проведено изучение смыслов безопасности респондентов, находящихся в экстремальной ситуации информационного давления. Теоретической значимостью обладает установление ценностной природы смыслового ядра безопасности, дополненной на вероятностной основе стереотипными смыслами безопасности. Практической значимостью прогностического и проектировочного характера обладает эмпирическое подтверждение того, что смыслы безопасности приобретают вариативную часть, заданную условиями, в которых находится субъект их продуцирования.

Перспектива дальнейших научных разработок по проблематике видится нами в сопоставлении смыслового ядра безопасности субъектов, находящихся в экстремальных и обыденных условиях жизнедеятельности, а также расширении типов экстремальных ситуаций изучения смыслового ядра безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Донева О.В. Опыт изучения социальной ответственности студентов в ситуации риска личной безопасности // Высшее образование сегодня. 2019. №2. С. 48–50.
2. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Изменение психологической безопасности личности в условиях субъектной интрузии // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Педагогические науки, Психологические науки, Филологические науки (литературоведение). 2017. №5. С. 60–65.
3. Кутовой И. Н., Садовникова Д. С. Личность как категория концепции психологической безопасности // Прикладная психология и психоанализ. 2016. №4. URL: https://ppip.idnk.ru/index.php/vypusk-1-2017/40-2011-02-24-12-27-14/index.php?option=com_content&view=article&id=811&catid=40 (дата обращения: 10.06.2020).

4. Neal A., Griffin M.A. A study of the lagged relationships among safety climate, safety motivation, and accidents at the individual and group levels // *Journal of Applied Psychology*. 2006. Vol. 91, №4. P. 946–953.
5. Иванов М.С., Солодухин А.В., Помешкина С.А., Серый А.В., Яницкий М.С., Горбунова Е.В. Представления об угрозах личной безопасности у больных кардиологического профиля // *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*. 2019. №8. С. 78–84.
6. Краснянская Т.М., Тылец В.Г., Иохвидов В.В. Концепция личной безопасности как психолого-криминологический фактор самообороны // *Всероссийский криминологический журнал*. 2018. Т. 12, №6. С. 826–835. DOI: 10.17150/2500–4255.2018.12 (6).826–835.
7. Тылец В.Г., Краснянская Т.М. Субъектные маркеры безопасности при разном уровне рефлексии информационной войны // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2018. №4. С. 189–199. DOI: 10.18384/2224-0209-2018-4-929.
8. Maralov V.G., Kudaka M.A., Markovich V.A., Kulanina S.V. The interconnection of social intelligence and the attitude of people to dangers // *Asian Journal of Pharmaceutics*. 2018. Vol. 12, №1. P. 314–322.
9. Guldenmund F.W. The use of questionnaires in safety culture research – an evaluation // *Safety Science*. 2007. № 45. P. 723–743.
10. Манторова И.В., Лютова А.С. Проблемы внушения и внушаемости в контексте концепции психологической безопасности личности // *Прикладная психология и психоанализ*. 2016. №4. URL: <https://ppip.idnk.ru/index.php/vypusk-1-2017/40-2011-02-24-12-27-14/nomer-4-2016/807-mantorova-i-v-lyutova-a-s-g-pyatigorsk#linkc> (дата обращения: 10.06.2020).
11. Харламенкова Н.Е., Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В., Ворона О.А., Казымова Н.Н., Дымова Е.Н., Шаталова Н.Е. Психологическая безопасность личности: имплицитная и эксплицитная концепции. Москва: ИП РАН, 2017. 262 с.
12. Сударик А.Н. Исследовательские возможности обеспечения психологической безопасности и защищенности личности в сфере высоких технологий // *Актуальность педагогического наследия А.С. Макаренко в современных условиях*. Москва, 2019. С. 604–611.
13. Иванов М.С. Безопасность как смысловая основа патриотизма // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2019. №1. С. 142–148.
14. Griffin M.A., Neal A. Perceptions of safety at work: a framework for linking safety climate to safety performance, knowledge, and motivation // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2000. Vol. 5, №3. P. 347–358. DOI: <https://doi.org/10.1037/1076-8998.5.3.347>.
15. Krasnyanskaya T.M., Tylets V.G. Resources of individual psychological security with respect to the employment status of a pensioner // *Advances in Gerontology*. 2018. Vol. 8, №3. P. 256–261. DOI: 10.1134/S2079057018030116.
16. Тылец В.Г., Краснянская Т.М. Психолингвистическое исследование концептов «опасность» и «безопасность» в языковом сознании студентов // *Вопросы психолингвистики*. 2020. №1. С. 84–97.
17. Басанова Т.А. Представление о безопасности у субъектов с различными характеристиками смысловой структуры мировоззрения // *Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета*. 2005. №5. С. 263–265.
18. Лозовая Г.В. Модель формирования продуктивных представлений о безопасности жизнедеятельности у студентов педагогического колледжа // *Education Sciences and Psychology*. 2015. №3. С. 42–52.
19. Синельникова О.П. Эмпирическое изучение представлений старших школьников о безопасности жизнедеятельности // *Российский психологический журнал*. 2009. Т.6, №1. С. 122–125.
20. Смирнова О.В. Представления о безопасности в юношеском возрасте: половой и гендерный аспект // *Женщина в российском обществе*. 2020. №1. С. 85–100.
21. Пирмагомедова Э.А. Эмпирическое изучение представлений подростков о безопасности жизнедеятельности // *Российский психологический журнал*. 2011. №1. С. 140–144.
22. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Психологические ресурсы безопасности личности с различным опытом экстремальности // *Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях*. 2015. №2. С. 100–107.
23. Mantorova I.V., Djevathanova D.A. Features of safety values of students with different type of time perspective // *European Journal of Psychological Studies*. 2016. Vol. 7, Is. 1. P. 22–28. DOI: 10.13187/ejps.2016.7.22.
24. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение и его описание. Теоретические проблемы. Saarbrücken: Lambert Acad. Publ., 2011. 192 с.

REFERENCES

1. Doneva O. V. The experience in studying social responsibility of students in a situation of personal security risk. *Higher Education Today*, 2019, no. 2, pp. 48–50.
2. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Changing the person psychological security in the conditions of subject intrusion. *Bulletin of the Baranavichy State University. Series. Pedagogical sciences, Psychological sciences, Philological sciences (literary criticism)*, 2017, no. 5, pp. 60–65.
3. Kutovoi I. N., Sadovnikova D. S. Personality as a category of the psychological security concept. *Applied Psychology and Psychoanalysis*, 2016, no. 4. URL: https://ppip.idnk.ru/index.php/vypusk-1-2017/40-2011-02-24-12-27-14/index.php?option=com_content&view=article&id=811&catid=40 (accessed 10.06.2020).
4. Neal A., Griffin M. A. A study of the lagged relationships among safety climate, safety motivation, and accidents at the individual and group levels. *Journal of Applied Psychology*, 2006, vol. 91, no. 4, pp. 946–953.
5. Ivanov M. S., Solodukhin A. V., Pomeskina S. A., Sery A. V., Yanitsky M. S., Gorbunova E. V. Perceptions of personal security threat in patients with a cardiological profile. *Personality in extreme conditions and crisis situations of life activity*, 2019, no. 8, pp. 78–84.
6. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G., Iokhvidov V. V. The concept of personal security as a psychological and criminological factor of self-defense. *All-Russian Criminological Journal*, 2018, vol. 12, no. 6, pp. 826–835. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).826-835.
7. Tylets V. G., Krasnyanskaya T. M. Subject security markers at different levels of information war reflection. *Bulletin of Moscow State Regional University*, 2018, no. 4, pp. 189–199. DOI: 10.18384/2224-0209-2018-4-929.
8. Maralov V. G., Kudaka M. A., Markovich V. A., Kulanina S. V. The interconnection of social intelligence and the attitude of people to dangers. *Asian Journal of Pharmaceutics*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 314–322.
9. Guldenmund F. W. The use of questionnaires in safety culture research – an evaluation. *Safety Science*. 2007, no. 45, pp. 723–743.
10. Mantorova I. V., Lyutova A. S. Problems of suggestion and suggestibility in the context of the concept of psychological security of the individual. *Applied Psychology and Psychoanalysis*, 2016, no. 4. URL: <https://ppip.idnk.ru/index.php/vypusk-1-2017/40-2011-02-24-12-27-14/nomer-4-2016/807-mantorova-i-v-lyutova-a-s-g-pyatigorsk#linkc> (accessed 10.06.2020).
11. Kharlamenkova N. E., Tarabrina N. V., Bykhovees Yu. V., Vorona O. A., Kazymova N. N., Dymova E. N., Shatalova N. E. *Psychological security of the individual: implicit and explicit concepts*. Moscow, IP RAN Publ., 2017, 262 p.
12. Sudarik A. N. Research opportunities for psychological security and personal security in the field of high technologies. *The relevance of the pedagogical heritage of A. S. Makarenko in modern conditions*. Moscow, 2019, pp. 604–611.
13. Ivanov M. S. Security as a semantic base of patriotism. *Professional education in Russia and abroad*, 2019, no 1, pp. 142–148. DOI: <https://doi.org/10.1037/1076-8998.5.3.347>.
14. Griffin M. A., Neal A. Perceptions of safety at work: a framework for linking safety climate to safety performance, knowledge, and motivation. *Journal of Occupational Health Psychology*, 2000, vol. 5, no. 3, pp. 347–358. DOI: <https://doi.org/10.1037>.
15. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Resources of individual psychological security with respect to the employment status of a pensioner. *Advances in Gerontology*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 256–261. DOI: 10.1134/S2079057018030116.
16. Tylets V. G., Krasnyanskaya T. M. Psycholinguistic research of the concepts «danger» and «security» in the language consciousness of students. *Questions of Psycholinguistics*, 2020, no. 1, pp. 84–97.
17. Basanova T. A. The concept of security in subjects with different characteristics of the semantic structure of the worldview. *Bulletin of Taganrog State Radio Engineering University*, 2005, no. 5, pp. 263–265.
18. Lozovaya G. V. Model of formation of productive ideas about life safety in students of pedagogical College. *Education Sciences and Psychology*, 2015, no. 3, pp. 42–52.
19. Sinel'nikova O. P. An empirical study of the views of senior pupils about safety of life activity. *Russian Psychological Journal*, 2009, vol. 6, no. 1, pp. 122–125.
20. Smirnova O. V. Perceptions of safety in youth: gender and gender aspects. *Woman in Russian Society*, 2020, no. 1, pp. 85–100.
21. Pirmagomedova E. A. An empirical study of teenagers' perception of the safety of life. *Russian Psychological Journal*, 2011, no. 1, pp. 140–144. (In Russ)

22. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Psychological resources for personal security with various experiences of extreme situations. *Biomedical and Socio-Psychological Problems of Security in Emergency Situations*, 2015, no. 2, pp. 100–107.
23. Mantorova I. V., Djevathanova D. A. Features of safety values of students with different type of time perspective. *European Journal of Psychological Studies*, 2016, vol. 7, Is. 1, pp. 22–28. DOI: 10.13187/ejps.2016.7.22.
24. Sternin I. A., Rudakova A. V. *Psycholinguistic meaning and its description. Theoretical problem*. Saarbrücken, Lambert Acad. Publ, 2011, 192 p.

Информация об авторах

Тылец Валерий Геннадьевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогической антропологии, Московский государственный лингвистический университет (Российская Федерация, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр.1, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru).

Краснянская Татьяна Максимовна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и этнической психологии, Московский гуманитарный университет (Российская Федерация, 111395, г. Москва, ул. Юности, 5, e-mail: ktm8@yandex.ru).

Иохвидов Владимир Вячеславович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Ставропольский государственный педагогический институт (Российская Федерация, 357635, г. Ессентуки, ул. Долина роз, 7, e-mail: vl наука@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 17.06.20.

После доработки 30.06.20.

Принята к публикации 01.07.20.

Information about the authors

Valery G. Tylets – doctor of psychological sciences, professor, professor of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Moscow State Linguistic University (38 (bld.1), Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russian Federation, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru).

Tatyana M. Krasnianskaya – doctor of psychological sciences, professor, professor of the Department of Social and Ethnic Psychology, Moscow Humanitarian University (5 Yunost» Str., Moscow, 111395, Russian Federation, e-mail: ktm8@yandex.ru).

Vladimir V. Iokhvidov – candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Stavropol State Pedagogical Institute (7 Dolina Roz Str., Essentuki, 357635, Russian Federation, e-mail: vl наука@mail.ru).

The paper was submitted 17.06.20.

Received after reworking 30.06.20.

Accepted for publication 01.07.20.